

Памяти В. П. Энгельгардта.

(† 6 мая 1915 г.).

На дняхъ въ Дрезденѣ скончался русскій ученый Василій Павловичъ Энгельгардтъ. Питомецъ училища Правовѣдѣнія изъ блестящаго выпуска, давашаго братьевъ В. В. и Д. В. Стасовыхъ, А. Н. Сѣрова, покойный заслужилъ почетную извѣстность въ области совсѣмъ другой специальности.

Любимыми занятіями его были астрономія и музыка—по астрономіи нѣсколько ученыхъ работъ и образцовая научная обсерваторія, переданная еще при жизни Казанскому университету, котораго онъ былъ выбранъ докторомъ *honoris causa*.

Познакомиться съ В. П. мнѣ пришлось по такому случайному поводу:

Покойный историкъ А. Ѳ. Петрушевскій былъ въ оживленной перепискѣ съ В. П.

Никогда не видавъ другъ друга, они имѣли общую историческую любовь къ Суворову.

Питая къ памяти великаго полководца глубокое, искреннее, благоговѣніе, В. П. на свои личные средства отмѣтилъ памятниками и досками нѣсколько мѣстъ перехода Суворовымъ Альпъ;—извѣстная доска съ надписью у Чертова моста также сооружена его заботами.

На почвѣ этого общаго интереса и возникъ письменный обмѣнъ мнѣній, продолжавшійся до самой смерти А. Ѳ. Петрушевскаго. По кончинѣ его переписка перешла какъ бы по наслѣдству къ теперешнему редактору журнала „Русская Старина“,

хлопотавшему въ то время объ устройствѣ Суворовскаго музея.

Въ 1906 году мнѣ проѣздомъ пришлось быть въ Дрезденѣ и исполнить порученіе редактора „Старины“, зайти отъ его имени повидать Энгельгарда.

Въ красивой виллѣ на Liebigstrasse меня встрѣтилъ высокій старикъ съ умнымъ открытымъ и пріятнымъ лицомъ.

Разспрашивая меня о тѣхъ двухъ его друзьяхъ, по перепискѣ, которыхъ никогда не знавалъ лично, онъ показалъ мнѣ свою коллекцію игравшихъ разноцвѣтными огнями кружковыхъ трубокъ, въ особомъ стеклянномъ шкафу, комнату, отведенную памяти Глинки (съ композиторомъ они были товарищами дѣтства), и наконецъ коллекцію, относящуюся къ культу Суворова.

Здѣсь были бюсты, картины, снимки, гранаты; все было собрано съ умѣніемъ, любовью и заключено въ красивую рамку уюта загородной виллы.

Передняя удачно выдержанная, въ Помпеевскомъ стилѣ, большой органъ въ гостиной, на которомъ В. П. былъ большой мастеръ играть, картины, книги, цвѣты.

Односложно и просто рассказалъ онъ мнѣ о причинѣ своего житья въ Дрезденѣ: „пріѣхалъ на нѣсколько дней проѣздомъ, городъ понравился, купилъ виллу, обосновался, и вотъ живу лѣтъ 20“.

Бывала и еще въ Дрезденѣ заходила всегда къ В. П.; находила его полнымъ интереса къ окружающей культурной жизни. Разъ сидя у В. П., я прислушалась, услыхавъ какой-то крикъ. „Вы думаете, это кричатъ мои внуки—нѣтъ, я совсѣмъ одинокъ—это мой попугай“, сказалъ съ грустью въ голосѣ хозяинъ.

Въ 1913 году возвращаясь въ Россію черезъ Дрезденъ, послѣ Лейпцигскихъ торжествъ, я зашла къ В. П. Онъ не покидалъ своего кабинета, ноги его плохо дѣйствовали, но голова по-прежнему была свѣжая, онъ всѣмъ интересовался, много читалъ, и даже вновь была собрана имъ маленькая новая коллекція—памяти 1812 года. Когда я ему рассказала о радушной встрѣчѣ, устроенной саксонцами нашей русской депутаціи, В. П. заволновался и сталъ убѣждать меня не вѣрить дружескимъ чувствамъ нѣмцевъ. Въ то время такъ не хотѣлось съ нимъ согласиться! Наступила война 1914 года. Volens nolens прекратилась и моя маленькая переписка съ даровитымъ хозяиномъ виллы на Liebigstrasse. И невольно думалось, какъ живетъ ему тамъ бѣльному вдали отъ родины.

Старость, болѣзни лишаютъ человѣка возможности осуществить свои желанія. Хотѣлось ли ему уѣхать изъ Дрездена? Какъ отнеслись къ нему его сосѣди нѣмцы, его прислуга? Каково жилось ему его послѣдніе дни безъ русскихъ газетъ?

Все это смерть унесла съ нимъ, такимъ одинокимъ, въ могилу.

Е. Я.

